

Дюймовенская
песнь в прозе

Тень Марлея

Причетник –
церковный
служитель, не
имеющий сана
(псаломщик, чтец).

Душеприказчик –
человек, которому
поручено выполнить
условия завещания.
Выбор Скруджа
в душеприказчики
говорит о том, что
он порядочный
и честный человек,
которому можно
доверить чужое
имущество.

Марлей умер — начнем с того. Сомневаться в действительности этого события нет ни малейшего повода. Свидетельство о его смерти было подписано священником, причетником*, гробовщиком и распорядителем похоронной процессии. Оно было подписано и Скруджем; а имя Скруджа, как и всякая бумага, носившая его подпись, уважалось на бирже.

А знал ли Скрудж, что Марлей умер? Конечно, знал. Иначе не могло и быть. Ведь они с ним были компаньонами Бог весть сколько лет. Скрудж был и его единственным душеприказчиком*, единственным наследником, другом и плакальщиком. Однако он не был особенно удручен этим печальным событием и, как истинно деловой человек, почтил день похорон своего друга удачной операцией на бирже.

Упомянув о похоронах Марлея, я поневоле должен вернуться еще раз к тому, с чего начал, то есть что Марлей несомненно умер. Это необходимо категорически признать раз и навсегда, а то в предстоящем моем рассказе не будет ничего чудесного. Ведь если бы мы не были твердо уверены, что отец Гамлета умер до начала пьесы, то в его ночной прогулке невдалеке от собственного жилища не было бы ничего особенно замечательного. Иначе стоило любому отцу средних лет выйти в вечернюю пору подышать свежим воздухом, чтобы перепугать своего трусливого сына.

Скрудж не уничтожил на своей вывеске имени старого Марлея: прошло несколько лет, а над конторой по-прежнему стояла надпись: «Скрудж и Марлей». Под этим двойным именем фирма их и была известна, так что Скруджа иногда называли Скруджем, иногда, по незнанию, Марлеем; он отзывался на то и на другое; для него это было безразлично.

Но что за отъявленный скряга был этот Скрудж! Выжать, вырвать, сгрести в свои жадные руки было любимым делом этого старого грешника! Он был тверд и остер, как кремень, из которого никакая сталь не могла извлечь искры благородного огня; скрытный, сдержанный, он прятался от людей, как устрица. Его внутренний холод отражался на его старческих чертах, сказывался в заостренности его носа, в морщинах щек, одеревенелости походки, красноте глаз, синеве его тонких губ и особенно

в резкости его грубого голоса. Морозный иней покрывал его голову, брови и небритый подбородок. Свою собственную низкую температуру он всюду приносил с собою: замораживал свою контору в праздничные, нетрудовые дни и даже в Рождество не давал ей нагреться и на один градус.

Ни жар, ни холод наружный не действовали на Скруджа. Никакое тепло не в силах было согреть его, никакая стужа не могла заставить его озябнуть. Не было ни ветра резче его, ни снега, который, падая на землю, упорнее преследовал бы свои цели. Проливной дождь, казалось, был доступнее для просьб. Самая гнилая погода не могла донять его. Сильнейший дождь, и снег, и град только в одном могли похвалиться перед ним: они часто сходили на землю красиво, Скрудж же не снисходил никогда.

Никто на улице не останавливал его веселым приветствием: «Как поживаете, любезный Скрудж? Когда думаете навестить меня?» Нищие не обращались к нему за милостыней, дети не спрашивали у него, который час; ни разу во всю его жизнь никто не спросил у него дороги. Даже собаки, которые водят слепцов, и те, казалось, знали, что это за человек: как только завидят его, поспешно тащат своего хозяина в сторону, куда-нибудь в ворота или во двор, где, виляя хвостом, как будто хотят сказать своему слепому хозяину: без глаза лучше, чем с дурным глазом!

Но что за дело было до всего этого Скруджу! Напротив, он был очень доволен таким отношением к нему людей. Пробираться в стороне от торной дороги жизни, подальше от всяких человеческих привязанностей, — вот что он любил.

Однажды — это было в один из лучших дней в году, а именно накануне Рождества Христова — старик Скрудж трудился в своей конторе. Стояла резкая, холодная и притом очень туманная погода. Снаружи доносилось тяжелое дыхание прохожих; слышно было, как они усиленно топали по тротуару ногами, били рука об руку, стараясь как-нибудь согреть свои окоченевшие пальцы. День еще с утра был пасмурный, а когда на городских часах пробило три, то стало так темно, что пламя свечей, зажженных в соседних конторах, казалось сквозь окна каким-то красноватым пятном на непрозрачном буром воздухе. Туман пробивался сквозь каждую щель, чрез всякую замочную скважину и был так густ снаружи, что дома, стоявшие по другую сторону узкого двора, где помещалась контора, являлись какими-то неясными призраками. Смотря на густые, нависшие облака, которые окутывали мраком все окружающее, можно было подумать, что природа сама была здесь, среди людей, и занималась пивоварением в самых широких размерах.

Дверь из комнаты, где трудился Скрудж, была открыта, чтобы ему удобнее было наблюдать за своим конторщиком, который, сидя в крошечной полутемной каморке, переписывал письма. В камине самого Скруджа был разведен очень слабый огонь, а то, чем согревался конторщик, и огнем нельзя было назвать: это был просто едва-едва тлеющий уголек. Рас- топить пожарче бедняга не осмеливался, потому что ящик с углем Скрудж

держал в своей комнате и решительно всякий раз, когда конторщик входил туда с лопаткой, хозяин предупреждал его, что им придется расстаться. Поневоле пришлось конторщику надеть свой белый шарф и стараться согреть себя у свечки, что ему, за недостатком пылкого воображения, конечно, и не удавалось.

— С праздником, дядюшка! Бог вам в помощь! — послышался вдруг веселый голос.

Это был голос племянника Скруджа, прибежавшего так внезапно, что это приветствие было первым признаком его появления.

— Пустяки! — сказал Скрудж.

Молодой человек так нагрелся от быстрой ходьбы по морозу, что красивое лицо его как бы горело; глаза ярко сверкали, и дыхание его было видно на воздухе.

— Как? Рождество — пустяки, дядюшка?! — сказал племянник. — Право, вы шутите.

— Нет, не шучу, — возразил Скрудж. — Какой там радостный праздник! По какому праву ты радуешься и чему? Ты так беден.

— Ну, — весело ответил племянник, — а по какому праву вы мрачны, что заставляет вас быть таким угрюмым? Вы ведь так богаты.

Скрудж не нашелся что ответить на это и только еще раз произнес:

— Пустяки!

— Будет вам сердиться, дядя, — начал опять племянник.

— Что же прикажете делать, — возразил дядя, — когда живешь в мире таких глупцов? Веселый праздник! Хорош веселый праздник, когда нужно платить по счетам, а денег нет; год прожил, а побогатеть и на грош не побогател — приходит время подсчитывать книги, в которых за все двенадцать месяцев ни по одной статье не оказывается прибыли. О, если б моя воля была, — продолжал гневно Скрудж, — каждого идиота, который носится с этим веселым праздником, я бы сварил вместе с его пудингом* и похоронил бы его, проколов ему сперва грудь колом из остролиста*. Вот что б я сделал!

— Дядя! Дядя! — произнес, как бы защищаясь, племянник.

— Племянник! — сурово возразил Скрудж. — Справляй Рождество как знаешь и предоставь мне справлять его по-моему.

— Справляй! — повторил племянник. — Да разве его так справляют?

— Оставь меня, — сказал Скрудж. — Поступай как хочешь! Много толку вышло до сих пор из твоего празднования?

— Правда, я не воспользовался как следует многим, что могло бы иметь добрые для меня последствия, например Рождество. Но уверяю вас, всегда с приближением этого праздника я думал о нем как о добром, радостном времени, когда, не в пример долгому ряду остальных дней года, все, и мужчины и женщины, проникаются христианским чувством человечности, думают о меньшей братии как о действительных своих спутниках к могиле, а не как о низшем роде существ, идущих совсем иным путем. Я уже не говорю здесь о благоговении, подобающем этому празднику по его священному имени и происхождению, если только что-нибудь, связанное с ним, может быть отделено от него. Поэтому-то, дядюшка, хотя оттого у меня ни золота, ни серебра в кармане не прибавлялось, я все-таки верю, что польза для меня от такого отношения к великому празднику была и будет, и я от души благословляю его!

Канторщик в своей каморке не выдержал и одобрительно захлопал в ладоши, но в ту же минуту, почувствовав неуместность своего поступка, поспешно загреб огонь и потушил последнюю слабую искру.

Пудинг —

традиционный
рождественский
десерт в Англии.

Скрудж путает осину
и остролист, отчего
его гнев становится
комичным. Осине
приписывают
свойство отгонять
нечистую силу,
а остролист,
вечнозелёный
кустарник с красными
ягодами, используют
как рождественское
украшение для дома
и праздничного стола.

— Если от вас я услышу еще что-нибудь в этом роде, — сказал Скрудж, — то вам придется отпраздновать свое Рождество потерей места. Однако вы изрядный оратор, милостивый государь, — прибавил он, обращаясь к племяннику, — удивительно, что вы не член парламента.

— Не сердитесь, дядя. Пожалуйста, приходите к нам завтра обедать.

Тут Скрудж, не стесняясь, предложил ему обратиться подальше.

— Почему же? — воскликнул племянник. — Почему?

— Почему ты женился? — сказал Скрудж.

— Потому что влюбился.

— Потому что влюбился! — проворчал Скрудж, как будто это была единственная вещь в мире, еще более смешная, чем радость праздника. — Прощай!

— Но, дядюшка, вы ведь и до этого события никогда не бывали у меня. Зачем же ссылаться на него как на предлог, чтоб не прийти ко мне теперь?

— Прощай! — повторил Скрудж, вместо ответа.

— Мне ничего от вас не нужно; я ничего не прошу у вас: отчего бы не быть нам друзьями?

— Прощай!

— Сердечно жалею, что вы так непреклонны. Мы никогда не ссорились по моей вине. Но ради праздника я сделал эту попытку и останусь до конца верен своему праздничному настроению. Итак, дядюшка, дай вам Бог в радости встретить и провести праздник!

— Прощай! — твердил старик.

— И счастливого Нового года!

— Прощай!

Несмотря на такой суровый прием, племянник вышел из комнаты, не произнеся сердитого слова. У наружной двери он остановился поздравить с праздником конторщика, который, как бы ему ни было холодно, оказался теплее Скруджа, так как он сердечно ответил на обращенное к нему приветствие.

— Вот еще другой такой же нашелся, — пробормотал Скрудж, до которого донесся разговор из каморки. — Мой конторщик, имеющий пятнадцать шиллингов* в неделю да еще жену и детей, толкует о веселом празднике. Хоть в сумасшедший дом!

Проводив племянника Скруджа, конторщик впустил двух других людей. Это были представительные джентльмены приятной наружности. Сняв шляпы, они остановились в конторе. В руках у них были книги и бумаги. Они поклонились.

— Это контора Скруджа и Марлея, если не ошибаюсь? — сказал один из господ, справляясь со своим листом. — Имею честь говорить с господином Скруджем или с господином Марлеем?

— Господин Марлей умер семь лет тому назад, — ответил Скрудж. — Сегодня ночью минет ровно семь лет со времени его смерти.

20 шиллингов
составляли 1 фунт
стерлингов.

